

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.31>

Пилатова Валентина Николаевна

АВТОМАТИЧЕСКИЕ И НЕАВТОМАТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ

Статья освещает процесс прогнозирования чувственно-эмоциональной деятельности человека. Ставится задача обосновать тот факт, что эмоциональную реакцию участников диалога можно классифицировать как автоматическую и неавтоматическую. Методом контекстологического анализа описаны признаки ожидаемых и неожиданных эмоций. Делается вывод, что в основе автоматических эмоций лежит социально-закрепленное представление о переживании, а в основе неавтоматических эмоций лежит потенциально возможный или субъективно приписываемый объекту признак. Диапазон прогнозирования эмоций обусловлен ментальными особенностями индивида и культурными традициями референтной группы, к которой он принадлежит.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 147-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

30. Caljon C. Le flamand de poche. Flemish phrasebook for French speakers. Chennevières sur Marne: Assimil, 2012. 192 p.
31. **Intonation systems: a survey of twenty languages** / ed. by D. Hirst, A. Di Cristo. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 1998.
32. Ledeganck K. L. Huld aan de nagedachtenis. Michiels, 1847. 68 p.
33. O'Connor J. D. Better English pronunciation. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 151 p.

PHONETIC AND INTONATION INTERFERENCE BY THE EXAMPLE OF FLEMISH DIALECTS

Petrenko Georgii Kirillovich
Ul'yanitskaya Lyubov' Aleksandrovna
Shumkov Andrei Arnol'dovich, Doctor in Philology
Saint-Petersburg Electrotechnical University
komrad-georgy2010@yandex.ru; ulianitckaia_liubov@mail.ru; noizen@mail.ru

The article conducts a theoretical scientific review devoted to the problems of studying phonetic interference. The language situation in Belgium is considered, in particular the results of speech contacts of the speakers of the Dutch and French languages by the example of phonetic features of modern Flemish dialects. Theoretical and practical (methodological) problems of studying intonation (its definition and classification of intonation constructions) and intonation interference are stated. The authors generalize the results of empirical studies of intonation interference over the past decades.

Key words and phrases: intonation; phonetic interference; Dutch language; French language; Flemish dialects.

УДК 81-22

Дата поступления рукописи: 26.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.31>

Статья освещает процесс прогнозирования чувственно-эмоциональной деятельности человека. Ставится задача обосновать тот факт, что эмоциональную реакцию участников диалога можно классифицировать как автоматическую и неавтоматическую. Методом контекстологического анализа описаны признаки ожидаемых и неожиданных эмоций. Делается вывод, что в основе автоматических эмоций лежит социально-закрепленное представление о переживании, а в основе неавтоматических эмоций лежит потенциально возможный или субъективно приписываемый объекту признак. Диапазон прогнозирования эмоций обусловлен ментальными особенностями индивида и культурными традициями референтной группы, к которой он принадлежит.

Ключевые слова и фразы: прогнозируемые и непрогнозируемые эмоции; мировоззренческие представления; чувственно-эмоциональная сторона жизни; дискурсивная перспекция; механизм тривиального и нетривиального реагирования.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

АВТОМАТИЧЕСКИЕ И НЕАВТОМАТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ

Цель нашего исследования – доказать, что эмоциональное речевое поведение человека можно классифицировать как автоматическое и неавтоматическое в зависимости от степени успешности дискурсивной перспективы его собеседника. Автоматическими мы называем ожидаемые, прогнозируемые слушателем эмоции. Неавтоматические эмоции, соответственно, – неожиданные, непрогнозируемые. Наша задача – показать, что возможный диапазон и границы прогнозирования чувственно-эмоциональной реакции собеседника во многом определяют речевое поведение говорящего.

Актуальность темы обусловлена необходимостью классификации эмоциональной реакции участников диалога с когнитивной точки зрения. Статья описывает иррациональную, чувственную сторону мышления, которая не является достаточно раскрытой с точки зрения лингвистики и требует дальнейшей разработки. Данная тема позволяет более полно раскрыть механизм прогнозирования эмоционального поведения людей в ходе общения. Принцип деления эмоций на автоматические и неавтоматические представляет собой новизну нашего исследования. Думается, что полученные результаты могут быть полезны для дальнейшей разработки теории ментальной деятельности человека.

Принято считать, что эмоциональное усиление речи является следствием использования выразительных средств языка [1; 3]. Эта мысль, с нашей точки зрения, справедлива по отношению к процессу восприятия слов. Что же касается порождения речи, то здесь, пожалуй, эмоции влекут за собой появление экспрессивных языковых элементов.

При этом эмотивные элементы, по мнению И. И. Туранского, наслаиваясь на основное содержание текста, усложняют и модифицируют его [5]. Хочется добавить, что усложнённый и модифицированный текст, как правило, требует экспликации и тем самым активизирует курс слушателя.

В. Н. Телия отношение автора слов к обозначаемому считает «субъективно ориентированным и эмоционально окрашенным» [4, с. 6]. Полагаем, что следствием данного обстоятельства будет оценочная деятельность адресанта.

В. Вундт видел язык как систему знаков, выражающих для других членов сообщества ход наших душевных состояний. Душевные состояния обусловлены представлениями, чувствами и волей человека [2]. Чувства, как видно из этой последовательности, занимают у В. Вундта промежуточное положение. Они манифестируют то, как наши понятия о мире согласуются с возможностями их воплощения в жизнь.

«Понятийные категории, – как пишет К. Уэлс, – противостоят ассоциациям, являющимся плодородной почвой для возникновения чувств и эмоций. В разных ситуациях и моментах времени понятийное значение остаётся неизменными, а ассоциативное меняется» [12, р. 123]. Это положение можно перенести и на жизненную ситуацию: в отличие от стабильных мировоззренческих представлений, чувственно-эмоциональная сторона жизни является подвижной, зависимой от воли обстоятельств.

Вопросы чувственно-эмоциональной сферы жизнедеятельности человека имеют отношение к динамике языковой формы, считает К. Фосслер. Он призывает лингвистов исследовать не неизменные грамматические структуры, а творческий процесс – выразительный план речи. Только такой взгляд на высказывание может сделать процесс изменения форм языка ясным [6]. Это замечание нам кажется ценным, поскольку эмоции являются двигателем динамики языковых форм.

Однако в рамках самих выразительных средств рано или поздно формируются узнаваемые единицы. Нередко участники диалога изначально знают, какая реакция скорее всего последует в ответ на те или иные слова. Неавтоматическая эмоциональная реакция иногда подвергается повторению, моделированию, постепенно теряя выразительность и превращаясь в устойчивую норму. В. И. Шаховский вводит понятие «социально-закреплённый эмотив» для описания широко распространённой эмоциональной реакции на однотипные ситуации [7]. Добавим, что знание социально-закреплённого эмотива может стать инструментом общения.

Нетривиальное реагирование собеседника угадывается легко и сразу обращает на себя внимание. В его основе лежит потенциально возможный или субъективно приписываемый объекту признак. Под потенциально возможным понимается присущий объекту, но ещё не распознанный другими членами сообщества признак. Субъективно же приписываемый признак объективно не существует [Там же]. Он существует лишь в сознании говорящего.

Каков же механизм тривиального и нетривиального реагирования на реалии окружающего мира? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примерам.

(1) *"I'm never lonely... Never."*

"Never? I envy you" [10, р. 4]. /

– Я никогда не бываю одинока... Никогда.

– Никогда? Я завидую вам (здесь и далее перевод автора статьи. – В. П.).

Вышеприведённый диалог представляет собой доверительную беседу двух дам, путешествующих на корабле. Реплики обеих экспрессивны: они содержат повтор и риторический вопрос. Кроме того, сама тема разговора предполагает открытие и эмоциональное восприятие.

Обратим внимание на ответную реплику. Она – прямое признание. Однако то, что в ответ на положительную самооценку вежливые люди отвечают выраженной так или иначе похвалой, всем известно. В данном сообществе существует уже сложившаяся ментальная привычка – одобрять хорошее в других людях. Поэтому ответная реплика выражает автоматическую эмоцию доброжелательности невысокого уровня интенсивности.

Приведём пример выражения неавтоматической эмоции.

(2) *The end of the world, as it turned out, was nothing more than collection of magnificent winter houses... When labourers imported from Haiti came to clear the land, clouds and fish were convinced that the world was over* [Ibidem, р. 7]... /

Конец света, как оказалось, был всего лишь скоплением великолепных особняков... Когда появились привезённые из Гаити рабочие, чтобы раскорчёвывать землю, облака и рыбы решили, что наступил конец света...

Автор этого текстового фрагмента – молодой нелегальный эмигрант африканского происхождения, прибывший в США. Его короткое повествование многогранно: здесь слышится тревога о далёком путешествии в неведомые места; присутствует саркастический намёк на характер их деятельности в районе первозданной природы; имеет место самоирония. Словом, внутренний монолог насыщен разнообразными эмоциями.

Мыслительная структура монолога, несмотря на свою сложность, просматривается. Она строится на ассоциациях героя. Фешенебельному жилому району, расположенному в прибрежной полосе Соединённых Штатов, автор внутренней речи приписывает субъективный признак, называя его краем света. Заявляя, что облака, рыбы восприняли появление рабочих из Гаити как конец света, автор мысли выражает потенциально возможный признак стереотипной ментальности людей, обеспокоенных вмешательством человека в естественную природную среду. Данный нетривиальный эмоциональный дискурс находит метафорическую реализацию, обогащая тем самым творческий потенциал выразительных средств языка.

Теперь обратимся к другому примеру, который представляет собой типичный диалог между мужем и женой за завтраком.

(3) MEG. *I've got your cornflakes ready. Here's your cornflakes. Are they nice?*

PETEY. *Very nice...*

MEG. *Is it nice out?*

ПЕТЕЙ. Very nice... I've finished my cornflakes.

МЕГ. Were they nice?

ПЕТЕЙ. Very nice [11, p. 9, 10]. /

МЕГ. Я приготовила тебе кукурузные хлопья. Вот твои кукурузные хлопья. Вкусные?

ПЕТЕЙ. Очень вкусные...

МЕГ. Хорошо на улице?

ПЕТЕЙ. Очень хорошо... Я съел кукурузные хлопья.

МЕГ. Были вкусные?

ПЕТЕЙ. Очень вкусные.

Незамысловатый разговор происходит в рамках домашнего этикета. Однотипные вопросы и ответы устраивают собеседников. Они не ставят себе цель за непритязательной едой выйти на какой-то утончённый уровень интеллектуальной беседы. Вместе с тем муж и жена доброжелательны, заботливы по отношению друг к другу.

Нелицемерное и негорделивое общение в подобном стиле у них происходит постоянно. Поэтому ответы на вопросы даются автоматически. Простые положительные эмоции заложены в саму семантику ответных фраз. Мег и Петей живут по понятиям. Морально-нравственная структура их ментальности – доброта как основа отношений – определяет их речевое поведение.

Позже Мег, хозяйка дома, беседует со своим постояльцем Стэнли. Стэнли – безработный музыкант, поэтому он пребывает в подавленном состоянии. Мег искренне хочет ему помочь и советует играть на пиане, где прогуливаются отдыхающие. Неожиданно для Мег Стэнли сообщает, что ему уже предложили работу.

(4) STANLEY. Berlin. A night club. Playing the piano. A fabulous salary. And all found.

MEG. How long for?

STANLEY. We don't stay in Berlin. Then we go to Athens... Yes. Then we pay a flying visit to... er... whatsisname... Constantinople. Zagreb. Vladivostock. It's a round the world tour.

MEG. Have you played the piano in those places before?

STANLEY. Played the piano? I've played the piano all over the world. All over the country [Ibidem, p. 22]. /

СТЭНЛИ. Берлин. Ночной клуб. Играть на пианино. Потрясающая зарплата. Всё найдено.

МЕГ. Как надолго?

СТЭНЛИ. Мы не задерживаемся в Берлине. Потом мы едем в Афины... Да. Потом мы летим с визитом в... э-э... как это называется... Константинополь. Загреб. Владивосток. Это кругосветное путешествие.

МЕГ. Вы играли на пианино в этих местах раньше?

СТЭНЛИ. Играл на пианино? Я играл на пианино по всему миру. По всей стране.

В этом отрывке пьесы мы хотим обратить внимание на реплики Стэнли. Они похожи на монолог героя произведения карнавального жанра. Однако данный эмоциональный ответ нельзя назвать автоматическим. Стэнли безостановочно блефует, но в своём бахвальстве он скорее жалок, чем смешон.

Он сам от себя не ожидал такого поведения. Свои представления о жизни пианист не может воплотить, и это обстоятельство отзывается чувством отчаяния в его душе. Бестактный совет Мег становится толчком к осознанию собственного жалкого положения.

В основе дискурса Стэнли насмешка над собой и насмешка над своей собеседницей, чей неискушённый совет оказался для него «простотой хуже воровства». По крайней мере, такими чертами наделяет хозяйку дома Стэнли. Благодаря его способности заметить неявную черту характера Мег, читатель пьесы тоже начинает смотреть на хозяйку иными глазами.

Другие герои пьесы предоставляют вниманию читателя ещё один пример неавтоматического эмоционального реагирования на слова собеседника.

(5) LULU. Do you think I'm like all the other girls?

GOLDBERG. Are all the other girls like that, too [Ibidem, p. 79]? /

ЛУЛУ. Вы думаете, я как все остальные девушки?

ГОЛДБЕРГ. А все остальные девушки тоже такие?

Мы почему-то не любим, когда нас сравнивают со всеми остальными. Нас это обижает, даже если мы ничем от остальных не отличаемся. Вопрос Лулу – речевой штамп, который произносили многие люди до неё и будут произносить после. В ответ она ожидает услышать тоже штампованную речь о том, что она, дескать, не такая, как все остальные, а особенная. Вскоре её прогноз окажется ошибочным.

Голдберг оскорблён ментальной вульгарностью своей собеседницы. Он намеренно переворачивает слова Лулу так, чтобы выразить осуждение того пренебрежительного отношения к другим людям, которым страдает молодая особа. Его ответная реплика свидетельствует о метком уме и саркастическом отношении к банальности.

Приведём ещё один пример, в котором эмоции обусловлены социально-закреплёнными представлениями о чувствах собеседника. Кларк опечален тем, что его подруга Салли Кэрл приняла решение уехать из провинции в большой город.

(6) "Sally Carrol... don't you like us?"

"Why, Clark, you know I do. I adore all the boys... Oh, Clark, I love you, and I love Joe here, and Ben Arrot, and you-all..." [9, p. 75]. /

– Салли Кэрл, ... Разве мы тебе не нравимся?

– Почему, Кларк, ты знаешь, что нравиться. Я обожаю всех ребят... Ну, Кларк, я люблю тебя, и я люблю здешнего Джо, и Бена Эрота, и всех вас...

Салли понимает характер переживаний Кларка и машинально отвечает ему так, как это принято в подобной ситуации. К тому же её ответ искренний. Однако её кавалер хотел, чтобы под напором его грустных чувств она изменила своё решение.

Некоторое время спустя Салли Кэрол решается объясниться неожиданным для её друга способом.

(7) *“You’ve a place in my heart no one else ever could have, but tied down here I’d get restless. I’d feel I was – wastin’ myself. There’s two sides to me, you see. There’s the sleepy old side you love; an’ there’s a sort of energy – the feelin’ that makes me do wild things...”* [Ibidem, p. 75-76]. /

«В моём сердце ты, как никто, занимаешь особое место, но, если привязать меня здесь, я выйду из себя. Мне будет казаться, что я живу зря. Видишь ли, у меня две стороны. Есть та, спящая сторона, которую ты любишь, и есть некая энергия – чувство, заставляющее меня делать дикие вещи...».

Салли открывает в своём собеседнике потенциально возможную черту – способность понять и принять нежеланные для него вещи. Она эмоционально раскрывает ему свой противоречивый внутренний мир. Салли Кэрол также надеется на то, что в сознании её друга произойдут изменения, и он её поймёт. Неавтоматические эмоции нередко становятся причиной эволюции отношений, морали, мировоззрения.

Приведём пример ожидаемых отрицательных эмоций. Мама не отпускает дочь в кино, так как та регулярно ищет повод куда-то уйти из дома, чтобы не делать школьное домашнее задание.

(8) *“No, dear; you have to study...”*

“I don’t see why I can’t go to the movies with Lillian... How crazy!” [8, p. 196]. /

– *Нет, дорогая, ты должна заниматься...*

– *Не понимаю, почему мне нельзя пойти в кино с Лилиан... Какая глупость!*

В основе ответной реплики дочери лежит социально-закреплённый эмотив. По представлениям девочки, нет ничего зазорного в том, чтобы отправиться в кино с подругой. Однако её воля наталкивается на непреодолимый барьер в форме материнского запрета. Противоречие между представлениями и нереализованными возможностями приводит к появлению отрицательных эмоций.

Потом беседа коснулась их общего знакомого Энтони. Маме Энтони кажется обычным, поверхностным молодым человеком. Дочь горячо ей противоречит.

(9) *“Oh, no, mother... He’s far from it... I’d marry him in a minute”* [Ibidem, p. 197]. /

«О, нет, мама... Он вовсе не такой... Я бы вышла за него замуж прямо сейчас».

Далее следует описание мыслей дочери в момент сказанного: раньше она ничего подобного никогда не имела в виду, она вдруг придумала такие слова, чтобы выразить эмоции. Чувства готовности выйти замуж за Энтони у девочки-подростка объективно не существует. Речь идёт о протестном настроении. Слова дочери рассчитаны на потенциально возможное острое беспокойство матери по поводу выраженной дерзкой точки зрения.

Исследованный материал показывает, что автоматические эмоции в ходе общения между людьми доминируют. Интенсивность их экспрессии невысокая. Такая картина имеет место, с нашей точки зрения, потому что главная функция автоматических эмоций не в том, чтобы придать выразительность словам, а в том, чтобы внести ощущение стабильности в дискурс персонажей. Привычное традиционное реагирование на слова и поступки позволяет нам верить в незыблемость канонов, устойчивость общепринятых норм.

Неавтоматические эмоции встречаются реже. Их функция – активизировать мышление собеседника, привлечь внимание. Неавтоматические эмоции расширяют мыслительный процесс слушателя, делают его взгляд на вещи более пронизательным, шлифуют сознание. Однако слишком большое количество непривычных реакций сделало бы нашу жизнь нестабильной.

Итак, эмоциональное речевое поведение человека можно дифференцировать как автоматическое и неавтоматическое в зависимости от степени успешности дискурсивной проспекции при его восприятии другими людьми. В основе автоматических эмоций лежит социально-закреплённое представление о переживаниях членов сообщества по поводу определённых вещей. Прогнозируемая эмоциональная деятельность придаёт отношениям между людьми ожидаемый, стабильный характер. В основе неавтоматических эмоций лежит потенциально возможный или субъективно приписываемый вещи признак. Непрогнозируемая эмоциональная реакция несёт новое знание или творческую фантазию. Диапазон прогнозирования эмоциональной реакции собеседника обусловлен ментальными особенностями говорящего и культурными традициями референтной группы, членом которой он является.

Список источников

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
2. Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912. 49 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 460 с.
4. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.
5. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
6. Фосслер К. Грамматика и история языка. К вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении // Логос: в 8-ми кн. М.: Тип. Рус. Т-ва, 1910. Кн. 1. С. 157-170.
7. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
8. Fitzgerald F. S. First Blood // Fitzgerald F. S. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1979. P. 196-212.
9. Fitzgerald F. S. The Ice Palace // Fitzgerald F. S. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1979. P. 72-96.
10. Morrison T. Tar Baby. L.: Vintage, 1997. 309 p.
11. Pinter H. The Birthday Party. L.: Faber and Faber, 1991. 87 p.
12. Wales K. A Dictionary of Stylistics. L.: Pearson Education, Limited, 2001. 429 p.

AUTOMATIC AND NONAUTOMATIC EMOTIONS IN THE LANGUAGE

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The article highlights the process of prediction of a person's sensual-emotional activity. The author's goal is to substantiate the fact that the emotional reaction of the dialogue participants can be classified as automatic and nonautomatic. With the help of the contextual analysis method the signs of expected and unexpected emotions are described. It is concluded that the basis of automatic emotions is a socially-fixed idea of the experience, and the basis of nonautomatic emotions is a feature, which is potentially possible or subjectively attributed to the object. The range of emotions prediction is determined by the mental characteristics of the individual and the cultural traditions of the reference group, to which he belongs.

Key words and phrases: predictable and unpredictable emotions; world-view ideas; sensual-emotional side of life; discursive prospection; mechanism of trivial and non-trivial response.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 12.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.32>

Философия, филология и лингвистика, имея сходный материал для своих изысканий, но различные методы и подходы, лежат в основе терминологических исследований. Авторами статьи на основании анализа существующей литературы сделана попытка определить теоретические основы проведения работ по описанию, упорядочению и систематизации терминологий и терминологических систем, выявить основные методы терминоведения и тенденции и направления его развития. Полипарадигмальность современного научного знания обуславливает нацеленность терминоведения не на простое описание, а на стремление к объяснению фактов и явлений.

Ключевые слова и фразы: термин; терминоведение; терминосистема; основы терминологических исследований; научное мировоззрение; методы терминоведения; системность терминологий.

Самигуллина Лилия Закариевна, к. филол. н.

Васильева Эльмира Раисовна

Хакимова Алина Ильдусовна

Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал в г. Октябрьском
sliliyaz@mail.ru

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Философия, филология и лингвистика, будучи самостоятельными научными дисциплинами с собственными историями возникновения, становления и развития, методами исследований и терминологическим аппаратом, тем не менее связаны между собой и, несомненно, принимаются во внимание терминоведами при исследовании терминологий и терминологических систем. По мнению отдельных авторов, филология и философия используют во многом общий исследовательский материал (тексты), но различные методы его объективизации. Если для филологии наиболее важным является выражение самого существенного при помощи текста, для философии текст не всегда содержит самое главное. Лингвистика же нередко не затрагивает культурологическую сторону вопроса, для нее более характерной является приближенность к точным наукам [6, с. 89].

Активный рост научного знания, стремительное совершенствование различных отраслей производства влекут за собой интенсивное развитие новых терминов и терминосистем, что, в свою очередь, требует выработки основательной теоретической и методологической базы для проведения работ в области терминологий и обуславливает актуальность данного исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые сделана попытка выявить теоретические основы терминоведения с позиций таких наук, как философия, филология и лингвистика.

Являясь одной из основных и древнейших форм мировоззрения, философия является основой множества наук и в историко-логическом отношении воспринимается как часть научного познания и как определенная специфическая база в процессе производства и интеграции знаний.

Уникальная миссия филологии состоит в том, чтобы вводить в общественное сознание текст как «проводник» в иные культуры и эпохи, т.е. служить средством расшифровки культурно-исторического кода.

Научно-технический прогресс, новейшие достижения во всех отраслях науки требуют их осмысления с точки зрения законов философии. Прикладные области научного знания нуждаются в философских